

И. М. Гревс

**Василий Григориевич
Васильевский, как учитель
науки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г79

Г79 **Гревс И.М.**
Василий Григориевич Васильевский, как учитель науки / И. М. Гревс – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 50 с.

ISBN 978-5-4241-5426-3

Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Часть
СССХХIV. Август.

ISBN 978-5-4241-5426-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

многія собственныя работы и связанныя съ ними интересы. Въ прежніе годы онъ часто самъ посылалъ туда своихъ учениковъ съ добрыми пожеланіями вглядываться и вдумываться въ великую старину, рыться въ архивахъ, „расширять свое міросозерцаніе“, какъ онъ съ шуткою въ тоиѣ, по справедливо говорилъ. Италия, дѣйствительно, не разъ вдохновляла ихъ мысль и направляла трудъ, послѣ того какъ именно ему удавалось впервые пробудить въ нихъ истинную любовь къ наукѣ, внушить имъ опредѣленную задачу исторической работы. Теперь онъ возлагалъ твердыя упованія на ея чудодѣйственныя свойства и для себя: онъ рассчитывалъ, что Италия быстро излѣчитъ его и откроетъ ему еще нѣсколько лѣтъ хорошей старости, счастливой свободнымъ научнымъ трудомъ, къ которому онъ всегда такъ рвался, и отъ котораго постоянно отрывали его не однѣ болѣзни, но и многочисленныя лежавшія на немъ служебныя обязанности. Жутко было каждому близкому видѣть такую почти дѣтскую радость и вѣру въ человѣкъ, очевидно, обреченномъ на скорый конецъ. Почти ясно было, что онъ не вернется; но горечь послѣдняго разставанія примирялась при видѣ того, что желаніе жить не было унижено въ умирающемъ Васи́лїи Григоріевичѣ страхомъ смерти, а одухотворялось потребностью умственной дѣятельности; оно воплощалось не въ мелочной тревожной мысли объ избавленіи отъ опасности, а въ разнообразныхъ планахъ, что онъ будетъ продолжать и заканчивать, а потомъ искать, начинать, писать... Настойчивое, взволнованное стремленіе возвратиться къ прерваннымъ занятіямъ охватывало Васи́лїя Григоріевича эти мѣсяцы всякій разъ, когда нѣсколько ослабѣвала болѣзнь, слишкомъ погода державшая его на краю могилы. И онъ проявлялъ здѣсь не часто встрѣчающуюся силу жизни и энергію дѣла. Онъ тотчасъ же переставалъ смотрѣть на себя, какъ на больного, сердился на заботы окружающихъ, раскрывалъ свои матеріалы, окружалъ себя книгами, брался за перо, какъ бы боясь упустить остающееся время, ловя возможность произнести недосказанныя слова. Онъ не жалѣлъ себя въ такія критическія минуты, когда только самая тщательная осторожность могла спасти и продлить остатокъ дней уже „въ долгъ живущаго“, по выраженію врачей, человѣка. Живая характеристика немногимъ предувидѣвшаго его смертью старшаго сочлена по Академіи А. А. Кунника, съ большимъ искусствомъ воспроизводящая типичную фигуру ученаго оригинала, была написана Васи́лїемъ Григоріевичемъ въ самые послѣдніе дни передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Онъ принимался и за другія работы. Часто можно было

застать его наклоненнымъ надъ письменнымъ столомъ, старающимся не замѣчать болѣе и изнуренія, за дописываніемъ статьи, которую надо было сдать въ журналъ, за составленіемъ отчета о томъ, что сдѣлано въ первые годы его существованія „Византійскимъ Временникомъ“, однимъ изъ послѣднихъ важныхъ его созданій. Непомѣрное напряженіе, можетъ быть, подрывало еще скорѣе лишь временно поднимавшіяся силы. Но эта вѣра въ возможность для него возрожденія и это неумиравшее влеченіе къ научному труду имѣли съ тѣмъ, казалось, помогали ему побѣждать физическія мученія и слагались въ прекрасную картину достойнаго и возвышеннаго угасанія. Только такое нравственное настроеніе, повидимому, дало ему силы предпринять и перенести длинное путешествіе, пойдти навстрѣчу исполненія послѣдняго горячаго желанія увидѣть Римъ передъ смертю во что бы то ни стало. До отъѣзда онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: „Приходите почаще; вы опять разкажете мнѣ про Италію; ваша любовь къ ней живитъ мою душу, дѣлаетъ меня здоровымъ и молодымъ“. Еще съ дороги получилъ я отъ него хорошія, ясныя строки, полныя спокойнаго юмора надъ положеніемъ тяжело больнаго, въ которое его ставила, и довѣрчиваго оптимизма при мысли о будущемъ: „Доѣхалъ до Вѣны благополучнѣйшимъ образомъ. Просидѣвъ въ четырехъ стѣнахъ съ унылымъ и скучнымъ видомъ на Загородный проспектъ и сѣренькое низкое небо въ Петербургѣ, я сразу сталъ чувствовать себя лучше на болѣе открытомъ пространствѣ. Уже подъ Вильной я замѣтилъ, что здѣсь и небо имѣетъ другой цвѣтъ, и воздухъ другой. Хотя подъ Варшавой мы опять увидѣли снѣгъ — оказалось, что онъ только что выпалъ,—но это не нарушило моего благосостоянія... По землѣ Чешской ѣхать было радостно; хотя воздухъ былъ свѣжій, но солнце свѣтило ясно, открывались широкія перспективы, окаймленные горами. Кромѣ радости я нечего не чувствовалъ: не было никакихъ болѣе, ни даже усталости. Въ ознаменованіе своего восторга я спросилъ за обѣдомъ шампанскаго и въ посрамленіе всѣхъ докторовъ выпилъ самъ полстакана, и не только остался живъ и здоровъ, но даже болѣе повеселѣлъ...“ — Письмо заканчивалось надеждою на хорошей исходъ путешествія и нетерпѣливо-радостнымъ ожиданіемъ приѣзда въ Римъ. Но быстро настало новое ухудшеніе. Доѣхавъ только до Флоренціи, Василій Григоріевичъ былъ уже не въ состояніи продолжать путь. Болѣзнь вступила въ роковую фазу, и жестокое зло, подточившее организмъ, унесло его изъ жизни. Такъ ему удалось бросить только потухающій взглядъ на темное небо Италіи, только ми-

молетно ощутить живительные лучи ея веселаго солнца, которое уже ярко блистало, начинало согрѣвать и его въ маленькомъ садикѣ на Via Magenta, гдѣ онъ поселился, и куда еще выходилъ подышать воздухомъ, полюбоваться уголкомъ новой южной картины въ хорошіе дни нѣсколько и тамъ запоздавшей весны.

Утромъ 14-го мая распространилась въ Петербургѣ въ кругу близкихъ Василю Григоріевичу людей вѣсть о его кончинѣ, совершившейся наканунѣ. Смерть его—не только истинное горе для знавшихъ и любившихъ его; это глубокая печаль для русской и даже европейской науки; это большая потеря для нашего университетскаго преподаванія и для учебнаго дѣла у насъ вообще. Сужденіе о результатахъ ученой дѣятельности В. Г. Васильевскаго не можетъ быть составлено быстро и высказано немедленно, точно такъ же, какъ нельзя дать сразу объективнаго и полнаго изображенія его духовной личности. Но почтить его память искреннимъ словомъ уваженія и сочувствія необходимо и теперь у недавно закрывшагося гроба. Какъ одинъ изъ старшихъ учениковъ почившаго, находящихся нынѣ въ числѣ университетскихъ преподавателей, я чувствую на себѣ обязанность это сдѣлать. Мнѣ трудно выполнить ее, какъ должно, подъ горькимъ ощущеніемъ свѣжей утраты, и я надѣюсь позже вернуться къ болѣе совершенному осуществленію ея. Обстоятельную оцѣнку основныхъ и специальныхъ научныхъ трудовъ Василя Григоріевича сдѣлать, можно сказать съ увѣренностью, компетентные византилисты. Я же сосредоточусь въ настоящей скорбной замяткѣ только на своихъ личныхъ воспоминаніяхъ объ умершемъ учителѣ, какъ объ университетскомъ профессорѣ. О немъ можно сказать очень много интереснаго и важнаго, даже ограничиваясь одной этой точкой зрѣнія. Я постараюсь остановиться на самомъ главномъ: можетъ быть, смогу я, хоть отчасти, напомнить его такимъ, какимъ знали его въ этой прекрасной роли мои сверстники, бывшіе его слушателями въ 80-хъ годахъ, и наши болѣе молодые товарищи, петербургскіе филологи 90-хъ годовъ.

За Василю Григоріевичемъ неоспоримо и прочно установилась у насъ и на западѣ заслуженная слава крупнаго ученаго, пролагающаго новыя пути, открывающаго новыя данныя, формулирующаго новыя истины, постановляющаго основы для изслѣдованія и изображенія темныхъ отдѣловъ и трудныхъ проблемъ всемірной исторіи. Ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ не существуетъ до сихъ поръ общаго отзыва о его трудахъ, но его вездѣ знали и вы-

сокоцѣн.ли. Какъ только основанъ былъ въ Мюнхенѣ журналъ „*Byzantinische Zeitschrift*“, редакція сочла честию для себя просить Василя Григоріевича вступить въ число его сотрудниковъ и всегда съ неизмѣннымъ уваженіемъ отиѣчала его новыя работы. Онъ обладалъ замѣчательными и рѣдкими дарованіями и какъ преподаватель.

Многое требуется всегда и вездѣ отъ человѣка, чтобы онъ оказался способнымъ достойно выполнять призваніе профессора. Особенно разнообразны такія требованія у насъ, гдѣ наука еще не завоевала въ жизни и сознаніи общества подобающаго ей самостоятельнаго и важнаго мѣста, не приобрѣла надлежащаго всеобщаго признанія и уваженія, гдѣ не дифференцированы еще ея функціи, гдѣ постоянно разрушаются едва заложенныя научныя традиціи. У насъ на роднѣхъ именно особенно настойчиво и громко надобно „учить наукѣ“ еще закрытые для нея умы, привязывать къ ней глухія сердца, подчинять ей упрямья противъ нея воли (и не только среди молодежи, но часто и среди тѣхъ, которые должны воспитывать ее). Но у насъ также область науки особенно беспорядочно и сложно переплетается съ другими сторонами государственной, общественной, нравственной жизни личностей и группъ. Потому то и служитель науки принужденъ вооружаться безконечно многосторонними знаніями и умѣніями.

Чтобы поддерживать кафедру (двигать на ней науку) и владѣть аудиторією (двигать ее наукою), требуется, очевидно, прежде всего основательная и твердая ученость, выдающаяся спеціальная подготовка, которая притомъ не застаивалась бы, а находилась бы въ постоянномъ движеніи впередъ къ усовершенствованію, поддерживаясь неослабѣвающимъ трудовымъ слѣдованіемъ за прогрессомъ науки. Но этого, безъ сомнѣнія, недостаточно. Весьма важно, чтобы спеціальная ученость выростала въ умѣ университетскаго преподавателя на плодородной почвѣ общаго научнаго образованія, организуемаго философскимъ мировоззрѣніемъ. Кромѣ того въ работѣ профессора и на кафедрѣ во время чтенія лекцій, и въ кабинетѣ за составленіемъ курса должны замѣтно выступать и эмоціональные стимулы. Профессоръ не можетъ достигнуть цѣли, то-есть, воспитывать наукою слагающіяся личности своихъ учениковъ, если не проникнется самъ безкорыстною жаждою общей истины, которая свяжетъ его съ объектомъ работы настоящимъ духовнымъ средствомъ, наполнить его постояннымъ одушевленіемъ. Ему нужно также любить и чувствовать юношество, къ которому онъ обращается, чтобы понять его высшіе интересы, слѣдить за ними и симпатизировать имъ. Онъ

призванъ служить этимъ лучшимъ потребностямъ растущихъ поколѣній помощью слова и личнаго общенія и поэтому долженъ обладать нелегкимъ искусствомъ сближать ихъ членовъ съ наукою, зажигать ихъ силою рѣчи, умѣть выбирать, строить, налагать научный матеріалъ такъ, чтобы онъ входилъ въ сознание слушателей, возбуждая умъ, волнуя чувство, перерождая душу.—Все это черты не часто рождающіяся въ человѣкѣ, нелегко вырабатывающіяся въ немъ. Приходится еще прибавить, что указанные разнообразные пути и способы дѣйствія профессора только тогда могутъ привести къ глубокимъ результатамъ, когда они будутъ примѣняться съ энергіей и послѣдовательностью, безъ которыхъ нельзя образовать школы, а школа—это упроченіе его дѣла, залогъ преемства его идеи. Особенности положенія профессора въ нашей жизни выдвигаютъ впередъ необходимость для него и другихъ качествъ, безъ которыхъ ему трудно выполнить все свое назначеніе. Онъ дѣйствуетъ въ рамкахъ большаго общественно-образовательнаго учрежденія, дѣятельность котораго соприкасается съ жизнью значительной части общества, не твердаго еще въ культурныхъ принципахъ и навыкахъ, и которому предназначено играть въ немъ руководительную роль. Чтобы быть готовымъ къ осуществленію ея, каждый представитель университетской корпораціи обязанъ построить себѣ опредѣленный общественный идеалъ и владѣть способностью проводить его постоянно и стойко въ факультетѣ и совѣтѣ, при сношеніяхъ со студентами и тѣми, кто стоитъ выше. Наконецъ, такъ какъ работа профессора протекаетъ въ непрерывномъ общеніи съ живыми людьми и выражается въ разно-стороннемъ вліяніи на нихъ, онъ можетъ справиться съ предстоящею задачею во всей ея полнотѣ только обладая нравственнымъ характеромъ, который авторитетно дѣйствовалъ бы на сотрудниковъ и начальниковъ, производилъ бы обаяніе на слушателей и учениковъ. Такое сложное соединеніе условій дѣятельности требуетъ отъ профессора наличности очень разнообразныхъ интеллектуально-моральныхъ данныхъ, и только совокупность ихъ дѣлаетъ изъ него истиннаго учителя науки и учителя жизни, общественнаго педагога въ широкомъ смыслѣ, то-есть, ставить его на желанной идеальной высотѣ.

Трудно встрѣтить отдѣльную личность, которая соединяла бы въ себѣ всѣ указанные качества. Почти невозможно одному человѣку достигнуть высокаго и равномѣрнаго развитія таланта и знанія, ума и воображенія, трудовой выдержки и идейнаго энтузіазма, широкой

общественности и высшей честности: отсюда—несовершенства въ образѣ каждаго выдающагося университетскаго дѣятеля. Съ другой стороны всѣ эти свойства, обнаруживаясь и вырабатываясь въ личности, могутъ прибрѣтать неравную силу, воплощаться различно и сочетаться неодинаково: отсюда множественность типовъ хорошаго профессора.

Влестящіе примѣры рѣдкаго могущества и поразительной гармоніи намѣченныхъ элементовъ мы находимъ въ такихъ незабвенныхъ герояхъ нашей университетской исторіи, какъ *Грановскій* и *Кудряцевъ*, о которыхъ недавно вспоминали русское общество и русская литература по случаю состоявшихся ихъ печальныхъ годовщинъ. Тайна красоты ихъ духовныхъ образовъ заключается именно въ полнотѣ и цѣльности, съ которыми у нихъ комбинировались въ живомъ единствѣ превосходныя дарованія богатой природы. Покойный В. Г. Васильевскій читалъ ихъ имена и на лекціяхъ вызывалъ благоговѣніе къ ихъ дѣлу, побуждая при этомъ читать ихъ книги тѣхъ изъ своихъ слушателей, которыхъ не подумали познакомить съ Грановскимъ и его друзьями ихъ гимназическіе учителя. Это уже выясняетъ, какъ высоко онъ понималъ задачу профессора, и какъ желалъ самъ вдохновляться и другихъ привлекать къ лучшимъ примѣрамъ. Воспоминаніе о названныхъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ, хотя работа ихъ относится къ еще недавнему прошлому, уже „сінетъ какъ бы легендарнымъ блескомъ“, по выраженію одного уважаемаго нашего современнаго историка. Послѣ нихъ не появлялись на университетскихъ кафедрахъ (по крайней мѣрѣ, въ кругу историческаго преподаванія) такихъ всесторонне-яркихъ индивидуальностей съ такимъ неострашимымъ вліаніемъ на окружающую среду. Но въ ряду продолжателей этихъ первыхъ учителей всеобщей исторіи у насъ могутъ быть названы ученые, которые въ чисто научной области вмѣстѣ съ новѣйшимъ прогрессомъ самой науки опередили ихъ своими знаніями и совершенствомъ метода изслѣдованія и преподаванія. Въ дѣлѣ развитія историческаго мышленія въ учащемся юношествѣ, въ дѣлѣ установленія въ университетахъ научныхъ преданій и послѣдніе сдѣлали весьма полезное крупное дѣло и заслужили очень почетное имя. Въ числѣ ихъ справедливо поставить на почетное мѣсто *В. Г. Васильевскаго*.

Въ настоящемъ очеркѣ, посвященномъ характеристикѣ его преподавательской дѣятельности, я не хочу говорить официальное „похвальное слово“ о немъ. Я попытаюсь нарисовать его „правдивое изображеніе“.

И я не буду скрывать того факта, что въ характерѣ его проявлялась нѣкоторая неопредѣленность очертаній и нѣкоторая неполнота красокъ. Это объясняется отчасти дѣйствительно пробѣлами или недостатками натуры; отчасти же это вытекало изъ извѣстныхъ особенностей ея, которыя срѣзывали ея рельефъ и прикрывали содержаніе. Но гораздо болѣе происходило это отъ того, что различные элементы его природы, вслѣдствіе обстоятельствъ и условій, среди которыхъ слагалась его личность и совершалась дѣятельность, не срослись въ стройное единство, оставаясь диспаратными и не всегда поддерживая одинъ другой. Во всякомъ случаѣ нужно сказать, что характеръ Василія Григоріевича благодаря его удивительной скромности и особаго рода замкнутости, которая была ему свойственна, познавался во всей его полнотѣ лишь послѣ долгаго знакомства, преимущественно при интимномъ общеніи, такъ что многіе, встрѣчавшіеся съ нимъ лишь изрѣдка и знавшіе его лишь внѣшнимъ образомъ, часто далеко недостаточно оцѣнивали его и невѣрно судили о немъ. Я не надѣюсь возсоздать полную и живую характеристику исчезнувшаго учителя, хотя близко зналъ его впродолженіе восемнадцати лѣтъ; но буду искать матеріала въ положительныхъ чертахъ, которыя, безъ сомнѣнія, составляли основу его нравственнаго существа. Я выдвину въ немъ то, на чемъ покоится его немалая заслуга, постараюсь показать то, что особенно дорого ученикамъ, и чего лишились, какъ очень важнаго блага, наши будущіе студенты-филологи и магистранты-историки, а также и тѣ изъ бывшихъ питомцевъ Василія Григоріевича, которые, даже ставъ сами преподавателями университетовъ, продолжали пользоваться его совѣтами.

2.

В. Г. Васильевскій смѣло и серьезно можетъ и долженъ быть названъ „*хорошимъ профессоромъ*“, поражающимъ не блескомъ, но глубиною своихъ дарованій, не разбрасывающимся кругомъ яркимъ пламенемъ страсти и воображенія, а сосредоточеннымъ около него ровнымъ свѣтомъ познающей мысли, сильнымъ именно *научнымъ* воздѣйствіемъ на людей, входившихъ съ нимъ въ послѣдовательное соприкосновеніе.

Получивъ высшее образованіе въ бывшемъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и окончивъ его въ Петербургскомъ университетѣ, дополнивъ и усовершенствовавъ свои знанія за границей, пре-

имуущественно въ Германіи, Василій Григоріевичъ съ 1870 г. вступилъ въ составъ профессоровъ исторіи Петербургскаго университета. До самаго послѣдняго года своей жизни онъ велъ здѣсь преподаваніе *средневековой исторіи*. Каждый сознательный слушатель, освоившійся съ способомъ чтенія профессора, скоро чувствовалъ, что передъ нимъ находится первоклассная ученая сила, вызывающая почтительное удивленіе и незамѣтно захватывающая въ сферу своего умственнаго руководства.—Обладая замѣчательнымъ талантомъ историка-ислѣдователя, отличаясь пронизательнымъ умомъ, высокою степенью научнаго остроумія Василій Григоріевичъ былъ великолѣпно вооруженъ самыми лучшими средствами ученой работы. На фонѣ прекраснаго классическаго образованія въ немъ обнаруживалось глубокое знакомство съ вспомогательными историческими дисциплинами, и онъ свободно распоряжался всѣми приемами историческаго метода, какъ въ области анализа критики и интерпретаціи источниковъ, такъ и въ области построенія извлекаемыхъ изъ нихъ данныхъ. Рядомъ съ такою безусловно твердою и рѣдко законченною методологическою подготовкою въ немъ открывалась и по существу положительно огромная эрудиція. Она выражалась въ превосходномъ знакомствѣ съ самыми разнообразными источниками по русской, византійской и западной исторіи и весьма широкой, даже поразительной начитанности въ ученой литературѣ на всѣхъ языкахъ, посвященной изученію и изображенію обширныхъ отдѣловъ исторіи, среди которыхъ вращалась его работа, а также соприкасающихся съ ними многочисленныхъ періодовъ и вопросовъ. Все это создавало въ Василіѣ Григоріевичѣ незыблемую основу выдающагося ученаго изслѣдователя и критика. Громадныя свѣдѣнія, самостоятельно переработанныя и претворенныя въ общія идеи, сообщали ему также многія черты, необходимыя для историка-мыслителя, истолкователя прошлыхъ судебъ человѣчества.

Какъ извѣстно, спеціальною сферою ученыхъ занятій Василія Григоріевича была *исторія Византіи*. Разнообразныя сочиненія его въ этой трудной и важной области—лучшее свидѣтельство высоты его таланта и совершенства его научнаго мастерства. Онъ является въ нихъ передъ нами полнымъ господиномъ предмета, когда издаетъ какой-нибудь памятникъ или критически воспроизводитъ его генеалогію и біографію, и когда рисуетъ историческую или историографическую характеристику, и когда реконструируетъ ходъ событія или развитіе явленія, часто очень запутаннаго, изъ политической, церковной или культурной исторіи путемъ оригинальной комбинаціи источниковъ, и когда

разрабатываетъ историко-этнографическій вопросъ, изслѣдуетъ законодательство, социальное-экономическій институтъ, даже просто когда пишетъ полемическую статью или рецензію. Интересъ къ византійской исторіи въ русскомъ ученомъ понятенъ изъ той связи, въ которой находились судьбы Руси въ кievскій и московскій періоды съ общественнымъ строемъ и духовною культурою средневѣковой преенницы римской имперіи. Точное научное разрѣшеніе вопроса о „византійскомъ вліяніи“ въ русской исторіи въ цѣломъ и деталяхъ возможно лишь подъ условіемъ весьма основательнаго разысканія и воспроизведенія самой исторіи Византіи, которая изучалась до сихъ поръ сравнительно мало, неудовлетворительно и отрывочно. Это—первостепенная задача, которая является условіемъ прогресса нашей отечественной исторіи въ смыслѣ выясненія предѣловъ и оцѣнки значенія одной изъ стихій, создававшихъ русское государство и общество, религію и просвѣщеніе.—Но помимо такой національной, такъ сказать, важности для насъ византійской исторіи съ изученіемъ ея связывается другая, гораздо еще болѣе значительный въ теоретическомъ отношеніи интересъ всемірно-историческаго характера. Развитие византійской исторіи есть сложный и многовѣковой процессъ, богатый по содержанию и могущій существеннымъ образомъ содѣйствовать уясненію основныхъ проблемъ исторической эволюціи человѣчества, но разработанный лишь поверхностно и односторонне, а во многихъ, можетъ быть, самыхъ важныхъ вопросахъ совсѣмъ нетронутый. Такая заброшенность изслѣдованія тысячелѣтнаго періода существованія крупнаго государственнаго и культурнаго организма, непосредственно вышедшаго изъ древняго міра и коснувшася своимъ концомъ эпохи вторичнаго расцвѣта его образованности, объясняется какъ трудностью самой работы надъ памятниками, оставшимися отъ его жизни, такъ и долгимъ господствомъ въ воззрѣніяхъ историковъ предвзятаго взгляда на дѣло. Византійскую имперію многіе почти до послѣдняго времени представляли себѣ такъ же, какъ еще не очень давно изображали ея предшественницу — римскую, исключительно временемъ культурнаго умиранія, чуждымъ какого бы то ни было движенія, работы и борьбы творческихъ началъ народнои жизни. Можетъ быть, именно блестящее открытіе учеными новой школы настоящей исторіи римской имперіи и обнаруженіе значенія этого раньше игнорировавшагося періода въ ходѣ всемірной исторіи — побудили внимательнѣе взглядѣться въ источники познанія и византійской старины. И это должно было доказать ошибочность стараго голословнаго мнѣ-

нія. Параллельно съ указаннымъ, самое перерожденіе теоретическихъ взглядовъ на сущность историческаго процесса раскрыло принципиальную несостоятельность такой безусловно отрицательной оцѣнки характера и роли могущественной и долговѣчной культурной единицы. Углубленіе пониманія того, что составляетъ истинный интересъ науки исторіи, и куда должны простираться усилія ея дѣятелей, показали кромѣ того, что и эпохи „регресса“ (*décadence*) содержатъ въ себѣ поучительный матеріалъ. Послѣ такого измѣненія отношенія къ византійской исторіи любознательность ученыхъ съ особеннымъ рвеніемъ обратилась къ разслѣдованію обширнаго и темнаго періода, скрывающаго такую массу неизученныхъ данныхъ для, быть можетъ, драгоцѣнныхъ будущихъ построеній. Данныя эти теперь могутъ съ самаго же начала обрабатываться при помощи твердыхъ методовъ, создавшихся и укрѣпившихся на изученіи исторіи запада, и заманчивый трудъ сулитъ капитальные выводы и значительныя, совершенно новыя обобщенія.

Для работы надъ исторіею Византіи и съ послѣдней, всемірно-исторической точки зрѣнія опять же русскіе ученые поставлены въ особенно благоприятныя условія. Всестороннее выполненіе подобно задачи требуетъ основательнаго знакомства съ русскою исторіею; здѣсь необходимо привлеченіе русскихъ и славянскихъ источниковъ, пока еще мало доступныхъ западно-европейскимъ историкамъ. Эти условія открываютъ для русскихъ ученыхъ видное мѣсто въ коллективномъ международно-научномъ дѣлѣ разработки византійской исторіи, какъ части всемірной. Осуществленіе ея можетъ сдѣлаться большою заслугою русской науки, если дѣятели ея сумѣютъ по настоящему широко, свободно и безпристрастно понять ее, вступая въ открытый и честный равноправный союзъ съ западными собратіями; они достигнутъ на этомъ поприщѣ важныхъ результатовъ, если справятся съ дѣломъ серьезно и глубоко, работая энергично и послѣдовательно, какъ и западные ученые, и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣло, безкорыстно и справедливо, чуждаясь фальшиво и узко патріотическихъ предразсудковъ, которые сковываютъ мысль и мертвятъ плоды ея работы.

В. Г. Васильевскій какъ нельзя лучше былъ подготовленъ къ руководящей роли въ организаціи и выполненіи труднаго дѣла изслѣдованія Византіи съ національно-историческою и всемірно-историческою цѣлью. Оно стало центральной заботою его ученой жизни, главнымъ предметомъ его труда и одушевленія. И такое посвященіе себя разысканію малозслѣдованной области съ глубокимъ и всесторон-